

Т-467 Я.В.

2799/БР

А КНИГОЙ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

„Я ВСЕ ЖИВУ“

ДЕТГИЗ 1945

Цена 40 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР

«КНИГА ЗА КНИГОЙ»

БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА:

Алигер М.	— Зоя.
Бажов П.	— Иванко Крылатко.
Гайдар А.	— Храброе сердце.
Исаковский М.	— Родное.
Кулешов А.	— Комсомольский бил.
Михалков С.	— Мать.
Симонов К.	— Сын артиллериста.
Славин Л.	— Уралец.
Соболев Л.	— Волшебный крысоло
Твардовский А.	— Два солдата.
Тихонов Н.	— «Я все живу».
Толстой А.	— Русский характер.
Шишков В.	— Девочка Акулечка.
Шолохов М.	— Солдатская дружба

*и другие произведения
советских писателей.*

V.N. Karazin Kharkiv National University

00790932

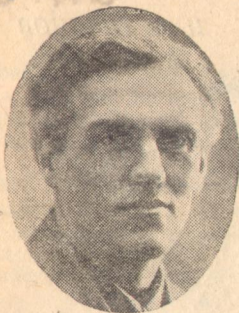
6

1

89

52B9

T-469 Я.В.

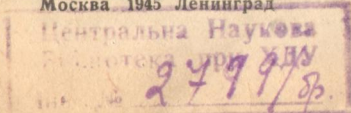
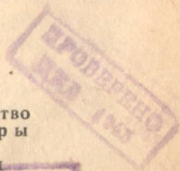

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

“Я ВСЕ ЖИВУ”

Рисунки В. Щеглова

Государственное Издательство
Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград

85

Н. С. ТИХОНОВ

Николай Семенович Тихонов, известный поэт и прозаик, родился в 1896 году в Петербурге. Участвовал в первой мировой войне; в годы гражданской войны был в Красной армии.

Печататься начал с 1921 года. Из первых стихов Н. Тихонова (книги «Брага», «Орда») большую популярность завоевали его баллады, воспевающие романтику революционных битв и силу характера советских людей.

В последующие годы Н. Тихонов выпускает ряд книг — стихов и прозы; много пишет для детей («Вамбери», «От моря и до моря», «Военные кони», «Симон-большевик» и др.).

В 1939 году Н. Тихонов был награжден орденом Ленина. За боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны и медалью «За оборону Ленинграда».

Героической обороне города Ленина Н. Тихонов посвятил ряд своих стихов, рассказов и очерков. Его ленинградская поэма «Киров с нами» была удостоена Сталинской премии.

Н. С. Тихонов — председатель правления Союза советских писателей СССР.

Это был первый случай, что его послали представителем от завода. Надо было выступить на одном небольшом собрании и рассказать о своей работе.

— Я не умею говорить много, — сказал он серьезно.

— Иди, иди! — отвечали ему. — Ты у нас передовой, ты коротенько расскажи, как ты, работая по третьему разряду, вы-

полняешь работу пятого, как слесарем стал, ну и еще что-нибудь.

Собрание было коротким.

— Время военное, — говорил он солидно, как бывалый производственник, и даже вызвал улыбки у присутствующих, когда сказал басом: — Из старых рабочих на моем участке осталось только двое: я да Степанова. Все на фронт ушли, или заболели, или померли, или эвакуированы. Степанова старше меня. Ей примерно девятнадцать-двадцать, а мне примерно пятнадцать-шестнадцать...

Собрание ему понравилось, потому что на нем выступали очень интересные люди, из которых каждый смог рассказать много любопытного о своей профессии, о днях осады, о зиме, о пережитых опасностях.

Возвращаясь, он шел, слегка задумавшись, по набережной небольшой реки; деревья уже были в зеленом уборе, набережная была чистая, как вымытая, город ничем не напоминал мрачные зимние дни. Он сел на скамейку и с удовольствием стал смотреть по сторонам.

Целую зиму ему некогда было думать о себе, а теперь собрание и все, что он услышал там, вызвало в нем целый поток воспоминаний. Он видел себя в родной деревне, видел сестру, шедшую с ведрами по двору, видел братьев: одного, маленького, верхом на колхозной лошади; другого в

гимнастерке и в сапогах со шпорами — он пришел тогда из армии. Теперь брат дерется с немцами. Из дому писем не пишут. Верно, тоже работают на оборону, как он: днями и ночами. Вспомнились первые месяцы в Ленинграде в ремесленном, потом слесарный цех, каким он его увидел в первый раз: с брызжащими металлическими стружками, с ворчаньем и стуком станков, с прохладой большого зала.

Все ему нравилось, все шло гладко, руки как будто понимали без его указаний, как и что надо делать. Он обожал работу. Он даже с каким-то изумлением смотрел, как выходят из-под его рук детали, сделанные им. И то, что это было сделано именно им, наполняло его гордостью. Он ни за что не покинул бы завода, не уехал бы ни в деревню домой, как сделали некоторые его маленькие товарищи, ни переменял бы город. Город был такой огромный, что каждый раз можно было увидеть новое, сколько бы в нем ни ходить. Затем он увидел его, как в каком-нибудь страшном кинофильме, когда началась война и ночами горели дома, падали бомбы, прожекторы освещали небо, непрерывно гремели зенитки. Он помогал вытаскивать из-под развалин засыпанных обломками. Это была трудная и опасная работа. С ним работал и тот мастер, доб-

рый Парфений Иванович, который прозвал его, Тимофея Скобелева, странным именем: «Я все живу».

Случилось это так. Парфений Иванович пришел в общежитие и говорил с ребятами об их жизни. На Тимофея находили припадки застенчивости, и он путал слова. Волнуясь, он на вопрос: «Ну, как живешь?», ответил не как хотел: «Я хорошо живу», а чего-то заробел, спутался и сказал: «Я все живу». Все засмеялись. Потом они подружились с Парфением Ивановичем, и тот шутливо спрашивал, приходя в общежитие:

— А как этот, «Я все живу»? Жив еще?

— Жив, — отвечали ему и тащили к нему Тимофея.

Он сидел на зеленой скамейке, напротив пышного весеннего сада, и вспоминал...

Зимой кончился ток, завод стал. Он таскал воду в бочках между сугробами, ел хрен в столовой, спал под полушубком, разбирал старые деревянные дома на дрова. Потом завод снова заработал, стал, как повелось говорить, делать «секреты» для фронта. Как Тимофей выжил, он сам не знал. Было и холодно и голодно, но он терпел все отлично и, когда пахнуло первым весенним теплом, ожил совсем.

— Ну как? — спрашивал в ту зиму Ти-

мофея, видя его обычно с топором в руках, Парфений Иванович, закутанный до глаз шарфом. — Все живешь, брат?

— Все живу, — отвечал он простуженным голосом. — А что мне делается?

— Терпи, казак, атаманом будешь! — говорил Парфений Иванович.

Атаманом — не атаманом, а он стал самым умелым рабочим слесарного цеха, и у него уже были подручные.

Все это вспомнилось Тимофею как-то сразу, пока он сидел на зеленой скамейке. Он устал от мыслей, от их множества и пестроты. Он перестал думать и стал смотреть на деревья, на речку, на прохожих. Жизнь была странной. Он посмотрел на себя. Чисто одетый, опрятный, аккуратно работающий, не считаясь со временем, иногда по два дня не оставляющий цеха, он чувствовал себя счастливым. Но ведь в нескольких километрах от города сидели немцы, в воздухе гудели сторожевые самолеты или вдруг с непонятной быстротой начинали сыпаться снаряды...

Мимо него проходили по-весеннему одетые люди, какой-то мальчик ловил рыбу. Он стал смотреть на мальчика.

Мальчик был худой, остроносый, в серой куртке. Тимофей сначала рассеянно следил за этим рыболовом, но потом, когда мальчик встал и, взяв удочку на плечо, посвистывая пошел к зеленой скамей-

ке, Тимофея словно что-то толкнуло в бок. По мере того как мальчик подходил ближе, Тимофей все яснее видел на его щеке коричневое большое пятно, как будто на щеке его застыл большой кофейный натек.

Когда мальчик находился уже совсем близко, Тимофей окликнул его:

— Эй, паренек, погоди минуточку!

Мальчик обернулся, оглядел Тимофея с головы до ног и сказал:

— Чего тебе?

— Присядь-ка на минутку, — сказал Тимофей, — если не торопишься.

— Я не тороплюсь, — ответил мальчик и сел на скамейку.

Тимофей молча разглядывал его. И мальчику это надоело.

— Что я тебе, картина? — сказал он. — Или говори что-нибудь, или я пойду...

— Вот быстрый какой! — сказал Тимофей. — А я вот медленно думаю.

— А ты думай быстрее.

Мальчик засмеялся, и тогда Тимофей спросил:

— Слышь, а где ты зимой жил?

— Где жил? — Мальчик свистнул. — Там сейчас ни одна крыса не живет. Наш дом разбомбили вчистую. Меня самого чуть не пришибло.

— Вот-вот, это я и спрашиваю, — сказал радостно Тимофей. — Дом с балконами, четырехэтажный, на углу вон там...

— Правильно. А что, ты тоже там жил? Или кого оттуда знаешь?

— Я там не жил, — сказал Тимофей. — А как тебя зовут?

— Шура Никитин.

— А скажи, Шура, что ты сейчас делаешь-то, учишься или что?

— Мать померла, отец мобилизован, я у тетки живу. Работать хочу, да не знаю, куда и как... Мал я.

— А сколько тебе?

— Пятнадцать будет.

— Чего мал? Ничего не мал! Хочешь, устрою тебя?

— Ты? — спросил недоверчиво Шура, во все глаза рассматривая Тимофея.

— Ну а кто же! — сказал гордо Тимофей. — Я тебе сейчас записку напишу к одному человечку.

— А ты кто сам-то?

— Я, брат, слесарь, и ты будешь слесарем. Теперь не смотри на лета. Ты из зимы-то вылез ничего?

— Ничего. Как тепло стало — бегу, и ноги не ватные...

— То-то, значит будешь работать. Ты завод у моста знаешь?

— Знаю.

— Вот там я и работаю. Сейчас я напишу тебе записку.

Он вынул записную книжку, которой очень гордился, послунил карандаш и на-

писал крупными прямыми буквами: «Милый Парфений Иванович. Надо устроить ко мне Шуру Никитина. Я все вам расскажу, почему. А он тоже расскажет».

Он передал записку Шуре, и тот сказал удивленно:

— Как это ты подписался: «Я все живу»? Что это такое?

— Это для секрета. У нас с Парфением Ивановичем свой секрет. Не бойся, не подведи. Я тебе расскажу. Только, смотри, обязательно! Придешь? Не обманешь?

— А что мне обманывать? Конечно, приду. Меня отец немного слесарному учил. А ты мне скажи, почему меня остановил? Ты меня знаешь, что ли?

— Немного знаю, — сказал, вдруг смутившись, Тимофей. — Я тут живу недалеко, много раз видел...

— И ты мне что-то знаком, ей-богу знаком, — сказал Шура, — а вот не припомню. У меня, знаешь, после того как засыпало в доме, голова болит часто. А тебя я где-то видел, правда, правда...

— Да, наверно видел, — сказал уклончиво Тимофей. — Близко друг от друга живем, так как не видеть! Так приходи, смотри!..

Тимофей рассказал ему, где найти Парфения Ивановича.

— Приду, — сказал Шура прощаясь, взмахнул удочкой и пошел по набережной.

Тимофей смотрел ему вслед и никак не мог понять, почему он не открылся ему с самого начала. В первую минуту он усомнился, тот ли это мальчик, но имя и пятно на щеке подтвердили, что это тот.

В одну зимнюю ночь, когда особенно свирепо падали бомбы с темного, закрытого тяжелыми снежными тучами неба, команду, где работал Тимофей, вызвали к дому, который только что обвалился. Бомба попала в самую середину, и теперь в темноте чернел какой-то фантастический остов со многими перепутанными железными балками, и люди с фонарями рылись в грудах мусора, искали засыпанных.

Сначала Тимофей работал наверху завала, но потом его позвали вниз, и комиссар штаба района, внимательно посмотрев на него при свете «летучей мыши», спросил, решится ли он отрыть заваленного в нижнем этаже мальчика. Они подошли к черной дыре, откуда был слышен далекий, слабый голос. Взрослому лаз был слишком узок. Тимофей надел каску, взял пилу-ножовку, молоток, зубило, топор и карманный электрический фснар.

Он полез в дыру. Он твердо знал, что вернется с мальчиком, но для остальных это было вопросом. Завал стал оседать. Комиссар приказал прекратить верхние работы, и люди столпились внизу, возле лаза, по которому отправился на поиск

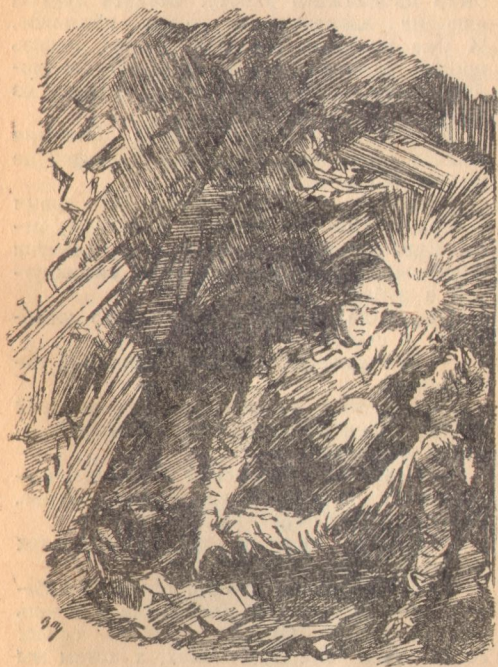
Тимофей. Они ходили перед лазом, снег скрипел под их ногами, они переговаривались тихими голосами, и только комиссар с фонарем время от времени кричал в дыру, окликая Тимофея.

Три часа шаг за шагом полз Тимофей по узкому проходу, обдираясь о поломанную проволоку, гвозди и острые кирпичи. Он дополз до мальчика; лежа на спине, разобрал над ним кирпичи, освободил ему руку, дал ему фляжку с водой. Сил у Тимофея больше не осталось. Он посветил фонариком вокруг себя, чтобы точнее запомнить местоположение и все приметы, и пустился в обратный путь. Когда он выбрался из завала, он был мокрый от пота, как крыса под дождем.

Он отдышался и снова полез отрывать мальчика. Так он работал еще шесть часов. И он отрыл мальчика. Когда он снова появился на краю лаза, выволакивая за собой спасенного, он не мог сказать ни слова от изнеможения. Он только слушал, как гудели вокруг люди, как кто-то сказал, хлопая его по плечу:

— А и силён ты, батюшка! Молодец!

Он слышал, что мальчика называют Шурой Никитиным. Он набрался сил подойти к нему только тогда, когда его уже положили на носилки, чтобы увезти в больницу, и при свете фонаря он увидел бледное лицо с большим кофейным пятном на

щеке. Только это он и запомнил. Надо было продолжать работу, имелись другие, еще не извлеченные из-под обломков. И уже мельком Тимофей увидел сквозь пролом в стене, как санитарный автомобиль завернул за угол дома и скрылся из виду.

И сегодня здоровый Шура Никитин прошел мимо него с удочкой. Тимофей не мог не остановить его.

...Прошло несколько дней. Во время перерыва Тимофея позвали в контору цеха. Едва переступив порог, он заметил Парфения Ивановича с толстой самокруткой в зубах.

При виде Тимофея тот широко улыбнулся и сказал:

— Все живешь, старина! Принимай пополнение.

Позади него, прикрываясь его широкой спиной, стоял Шура Никитин. Тимофей отлично его видел.

— Спасибо, Парфений Иванович, — сказал Тимофей. — Я все живу, верно. Пополнение приму.

И тут же, при людях, наполнявших контору, Шура сказал:

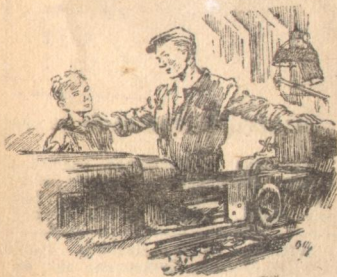
— А что же ты скрыл, что ты Скобелев, который меня от смерти спас? Я ведь тебя не узнал. Прости, честное слово! Тогда видел тебя в потемках, а потом мы с тобой так изменились с зимы-то. Ты вот

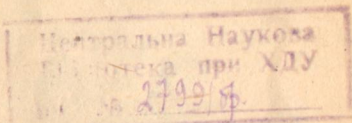
узнал меня, а я нет. Как вот ты меня на улице узнал?

Но Тимофею было стыдно сказать, что узнал он его по кофейному пятну на щеке. Он застеснялся, что-то пробормотал в ответ и пошел из цеховой конторы. За ним шли Шура и Парфений Иванович.

И когда они вошли в цех и перед ними раскрылся прохладный светлый зал, наполненный отсветами станков и блестящими металлическими стружками, Тимофей сказал Шуре:

— Что было, то прошло. А вот тут, брат, уж мы поработаем вдвоем! — И он жестом хозяина и мастера положил свою маленькую крепкую руку на холодную сталь станка.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *К. Пискунов*. Технич. редактор
Р. Кравцова. Подписано к печати 19/VI 1945 г.
/16 печ. л. (0,6 уч.-изд. л.) Тираж 75 000 экз.
Заказ № 441. А20262. Цена 40 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса
РСФСР. Москва, Сушеvский вал, 49.

